

УДК 343.271

Евгений Валентинович МЕДВЕДЕВ,
заведующий кафедрой уголовного права
Ульяновского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
oxumoronm@gmail.com

Людмила Викторовна ХАНАХМЕДОВА,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя»
domdom-20@mail.ru

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

COURT FINE AS ANOTHER MEASURE OF A CRIMINAL LAW IN-FLUENCE

Судебный штраф в уголовном законе – одно из наиболее сложных и противоречивых явлений, которое до сих пор не получило однозначной правовой оценки в отечественном научном сообществе. В статье предпринимается попытка осмысления социально-правовой сущности данной меры уголовно-правового характера через установление его функционального назначения. В результате изучения отечественного и зарубежного законодательного опыта делается вывод о том, что судебный штраф – мера компенсационного характера, которая призвана обеспечивать возмещение материального и морального вреда, прежде всего потерпевшим от преступления, для чего необходимо создание государственного фонда потерпевших.

The court fine in criminal law is one of the most complex and contradictory phenomena, which has not yet received an unambiguous legal assessment in the domestic scientific community. The article attempts to comprehend the socio-legal essence of this measure of a criminal nature through the establishment of its functional purpose. As a result of studying domestic and foreign legislative experience, it is concluded that a court fine is a compensatory measure that is designed to provide compensation for material and moral harm, primarily to victims of crime, for which it is necessary to create a state fund for victims.

Ключевые слова: судебный штраф, иные меры уголовно-правового характера, функциональное назначение штрафа, возмещение причиненного ущерба, восстановительная (компенсационная) функция уголовного права, фонд потерпевших.

Keywords: court fine, another measures of a criminal-legal nature, functional purpose of the fine, compensation for damage caused, restorative (compensatory) function of criminal law, victims' fund.

Несмотря на пятилетний опыт применения судебного штрафа с момента его появления в УК РФ, вопрос о его природе и содержании по-прежнему вызывает самые острые дискуссии в науке уголовного права, а многие специалисты до сих пор отказываются воспринимать его как самостоятельное средство уголовно-правового воздействия. Это не удивительно, учитывая то, как сконструировал его модель и сформулировал соответствующие положения в кодексе законодатель.

Первое, на что сразу обращают внимание специалисты, – в соответствующих положениях УК РФ о судебном штрафе не сформулированы ни цели, ни задачи его применения; второе – законодатель фактически не называет оснований назначения данной меры уголовно-правового воздействия, из перечня которых можно было бы сделать соответствующие выводы о ее социально-правовой природе и функциональной направленности [4, с. 100]. Как справедливо отмечает Н.Ю. Скрипченко, разработчики УК РФ в ст. 76.2 и 104.4 закона, по сути, указали лишь условия применения судебного штрафа [9, с. 109], при этом из предложенных в указанных статьях формулировок нельзя однозначно сказать, для чего применяется судебный штраф и каково его предназначение?

Законодатель разместил рассматриваемое средство уголовно-правового воздействия в разделе VI «Иные меры уголовно-правового характера», тем самым подчеркнул его природу именно как иной меры уголовно-правового характера. Несмотря на это, в литературе его часто сравнивают с уголовным наказанием в виде штрафа, указывая на наличие и в том, и в другом идентичного превентивного потенциала [1, с. 18]. При этом многие специалисты усматривают в судебном штрафе очевидные признаки репрессии, только применяемой вне уголовной ответственности. Например, Н.Н. Апостолова, расценивая его как «своеобразный симбиоз альтернативного разрешения уголовного правового конфликта и наказания», считает, что в некоторых аспектах эта мера мало чем отличается от наказания, в частности, когда

имеется в виду штраф, налагаемый в объеме, превышающем размер причиненного преступлением вреда. В таком случае «обвиняемый или подозреваемый, помимо позитивного посткриминального поведения в форме возмещения или заглаживания причиненного преступлением вреда, подвергается еще и определенному материальному наказанию «рублем» взамен на освобождение от уголовной ответственности» [2, с. 35].

Другие специалисты, ориентируясь на результаты сравнительного анализа отечественного и зарубежного уголовного закона, видят в судебном штрафе некое «паранаказание», имеющее «принудительную, карательную природу», исходя из того, что он назначается по решению суда в отсутствие четко прописанных в законе процессуальных гарантий для подсудимого [3, с. 116].

Действительно, основания применения судебного штрафа на данный момент – это некая абстрактная совокупность обстоятельств, установление которой отдано целиком на откуп судебного органа. Поскольку суд наделен почти абсолютным дискреционным полномочием в плане разрешения вопроса о наличии или отсутствии в деле таких обстоятельств, получается, что единственным основанием назначения судебного штрафа выступает само усмотрение суда о возможности его применения. При этом интересы потерпевшего практически не имеют юридического значения.

Данное дискреционное положение получило развитие в пункте 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19, которым были расширены границы способов возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда.

Такая практика в последнее время становится все более распространенной. Анализ более ста приговоров судов общей юрисдикции Российской Федерации в свободной выборке показал: применяя положения о судебном штрафе, суды либо вообще не мотивируют свое решение в этой части (обвинение по ч. 2 ст. 273 и ч. 1 ст. 273 УК РФ, обвинение по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ), либо мотивируют его «отсутствием какого-либо вреда

от противоправных действий, подлежащего устранению или возмещению» (обвинение по ч. 2 ст. 307 УК РФ) или указанием на то, что «ущерба по данной категории дел не имеется» (обвинение по ч. 1 ст. 228 УК РФ).

В контексте приведенных выше аргументов возникает справедливый вопрос: для чего тогда и в чьих интересах применяется судебный штраф? Он приобретает еще большую актуальность на фоне того, что эта мера предполагает, по сути, две отдельные выплаты. Сначала лицо, совершившее преступление, обязано выплатить компенсацию причиненного ущерба, а после заглаживание вреда – установленную судом фиксированную сумму в бюджет государства. Если позиционировать эту меру как инструмент реализации восстановительной (компенсационной) функции уголовно-правового воздействия, обеспечивающий возмещение нанесенного преступлением ущерба, то какую тогда функцию возлагает государство на судебный штраф как денежное взыскание по преступлениям, не связанным с причинением материального вреда? И за что платит судебный штраф лицо, совершившее имущественное преступление, после того как оно в полной мере уже компенсировало ущерб или иным образом загладило причиненный вред? По справедливому замечанию И.Э. Звечаровского, ответ на поставленный вопрос может быть только один: «за освобождение от уголовной ответственности. Могут возразить, что оно уже состоялось. Вопрос: тогда за что платит лицо, освобожденное от уголовной ответственности» [4, с. 101]?

Все эти вопросы и напрашивающиеся на них ответы наводят исследователя на неутешительную мысль о том, что судебный штраф был внедрен в механизм уголовно-правового воздействия для решения задач, вовсе не связанных с истинным функциональным назначением уголовного права. Может быть, это – фискальный инструмент, рассчитанный, как полагает М.Б. Кострова и многие другие специалисты, на пополнение государственного бюджета в целях финансового обеспечения его деятельности [6, с. 74; 5, с. 150]?

Хочется надеяться, что нет, поскольку фискальная функция не свойственна уголовному праву, и навязывание ее системе уголовно-правового регулирования общественных отношений в перспективе может привести к печальным последствиям. К счастью, высказанное опасение пока не подтверждается общей практикой назначения судебного штрафа, суммы которого существенно разнятся, но не выглядят при этом «агрессивными», а порой являются просто символическими, несмотря на заложенный в них довольно серьезный фискальный потенциал. Размеры штрафа довольно часто остаются минимальными даже при назначении этой меры одновременно за несколько совершенных преступлений (при назначении по совокупности преступлений).

Значит, дополняя принудительный потенциал уголовного закона мерой в виде судебного штрафа, законодатель, скорее всего, имел в виду не фискальные приоритеты (интересы) государства, а иные намерения – создание уголовно-правового инструмента реституционного (компенсирующего ущерб потерпевшему) характера, о котором в свое время говорила еще Н.Ф. Кузнецова [7, с. 15] и который в последние годы с успехом нашел закрепление в уголовном законодательстве многих наших зарубежных соседей.

Правда, во всех существующих зарубежных аналогах законодательного конструирования судебного штрафа прослеживаются две негативных тенденции. Первое – это санкционный характер (в основном эти меры там представляют собой экономическую санкцию), что неизбежно роднит его с наказанием в виде штрафа; второе – то обстоятельство, что взыскиваемые с виновного в совершении преступления суммы направляются в доход государства, что еще больше усугубляет репрессивно-фискальный оттенок этого уголовно-правового инструмента.

Полагаем, что каждой функции уголовно-правового воздействия должен быть свойственен собственный арсенал мер принуждения или стимулирования участников регулируемых отношений, и каждая само-

стоятельная мера уголовно-правового характера, коей, в частности, является судебный штраф, должна иметь свое функциональное назначение. При этом они не должны пересекаться.

Для реализации репрессивной функции уголовно-правового воздействия уже есть не одним столетием проверенный надежный инструмент – уголовное наказание, который имеет предостаточный для этого принудительный потенциал. Поэтому судебный штраф не должен иметь черты, схожие с уголовным наказанием. Не случайно разработчики УК отнесли судебный штраф к числу иных мер уголовно-правового характера.

Но тогда какую роль призвана выполнять эта мера уголовно-правового характера? Думается, наиболее адекватное ее назначение – компенсационное. По крайней мере, в действующем кодексе именно это направление уголовно-правового воздействия пока недостаточно разработано и не обеспечено достаточным набором средств, позволяющим удовлетворить потребности лиц, чьи интересы были задеты преступным посягательством, в возмещении причиненного им ущерба.

На этот факт прямо указывает положение об обязательности заглаживания вреда перед потерпевшим как необходимого условия назначения судебного штрафа, и законодатель, судя по месту в ст. 76.2 УК РФ, придает ему приоритетное значение. Правда, при такой интерпретации рассматриваемого феномена возникает ряд серьезных противоречий, в частности в вопросе соотношения ст. 76.2 и ст. 76 УК РФ, последняя из которых предусматривает возможность примирения с потерпевшим путем возмещения или иного способа заглаживания причиненного вреда, но только без штрафных санкций. В таком случае возникает справедливый вопрос: зачем взыскивать штраф с виновного, если после полного возмещения ущерба потерпевшему или заглаживания иного вреда компенсационная цель применения норм уголовного закона достигнута?

Думается, такая необходимость все же есть, и она обусловлена объективными причинами. Во-первых, вне зависимости от кон-

струкции состава преступления (формальный или материальный) не всегда в уголовном деле есть потерпевший, в том числе и потому, что его порой трудно установить. При этом может возникнуть ситуация, когда обстоятельства совершения преступления и личность преступника говорят о том, что назначение наказания в отношении него излишне, но прекратить уголовное по ст. 25, 27 или ст. 28 УПК РФ невозможно, – как раз по причине отсутствия в деле потерпевшего [8, с. 56]. Во-вторых, что делать, если вопрос о полноте компенсации причиненного преступлением ущерба в суде приобретает спорный характер, судебный штраф назначен, но в меньшем размере, и в результате заявленные имущественные требования потерпевшего остаются неудовлетворенными – цель реализации восстановительной функции не будет достигнута.

Как быть, если потерпевших по делу несколько, и некоторые из них приобрели этот статус автоматически наряду с основным потерпевшим (родственники пострадавшего несовершеннолетнего), при этом у виновного нет возможности выплатить все суммы сразу? Подобного рода вопросов может быть множество, и найти на них однозначный ответ получится не всегда. Видимо, этот момент учел и законодатель, внедрив такую абстрактную формулировку, как «заглаживание вреда», – не иначе как для того, чтобы оставить шанс преступникам, не отличающимся опасностью, но не имеющим достаточного имущественного потенциала для удовлетворения всех притязаний со стороны потерпевших, связанных с совершенным преступлением. Только этого, судя по всему, недостаточно для создания полноценного инструмента восстановительного-компенсационного характера.

В то же время положительный опыт решения всех перечисленных выше вопросов есть, причем на законодательном уровне, в частности в УК Литвы, а также Республики Казахстан, согласно которому назначаемые судом денежные взносы направляются не в бюджет государства, а в фонд потерпевших.

Наиболее удачный, на наш взгляд, вариант закрепления судебного штрафа как иной, аль-

тернативной наказанию меры уголовно-правового характера воплощен в соответствующих положениях именно УК Республики Казахстан, который в 2018 г. был дополнен ст. 98-1 «Принудительный платеж». В ней, во-первых, четко сформулировано название самой меры, которое позволяет идентифицировать ее как индивидуальное средство уголовно-правового воздействия (а не подходит в большей степени для обозначения формы реализации уголовной ответственности, как у нас). Во-вторых, законодателем более удачно определены цели принудительного платежа – защита прав и законных интересов потерпевших, что указывает на компенсационно-восстановительную природу этого инструмента и отсутствие в нем репрессивного начала. В-третьих, заслуживает безоговорочной поддержки сам механизм реализации казахской модели «судебного штрафа», который предусматривает формирование фонда компенсации вреда потерпевшим и установление четких фиксированных сумм взысканий.

Конечно, эта юридическая конструкция не идеальна, и ее можно много в чем дорабатывать в плане и определения места в механизме уголовно-правового воздействия, и порядка назначения (в частности, определения оснований и условий применения данного инструмента), и установления размеров принудительного платежа и т.д. Но саму идею и этот смелый новаторский шаг казахского законодателя, безусловно, следует поддержать.

Что же касается отечественной модели судебного штрафа, то на данный момент она представляет собой сложную юридическую конструкцию, которую можно назвать формой реализации уголовной ответственности в виде условного освобождения от нее (уголовной ответственности), в рамках которой применяются два самостоятельных средства

уголовно-правового воздействия: 1) освобождение от уголовной ответственности под условием (в потенциале не только выплаты денежной компенсации, но и выполнения определенных требований к поведению виновного, в том числе для заглаживания причиненного вреда или последствий совершения преступления) и 2) денежное взыскание. Эта конструкция по указанным выше причинам, несомненно, требует модернизации, в ходе которой законодатель должен учесть все существенные черты этой компенсационной меры как самостоятельного инструмента уголовно-правового воздействия, отделить его от наказания, изъяв из его структуры репрессивные компоненты, определить цели и основания его назначения, ограничив при этом круг преступных посягательств, по которым оно может применяться, а также адресатов его применения, и скорректировать содержание.

Кроме того, необходимо взять на вооружение опыт тех зарубежных стран, которые организовали в пределах своей уголовной юрисдикции формирование и деятельность фондов государственной компенсации ущерба, причиненного жертвам преступных посягательств, пополняющихся за счет в том числе и преступников, деяния которых не повлекли причинение реального ущерба, за счет которых можно обеспечивать реализацию восстановительной функции уголовного закона в полном объеме даже тогда, когда имущественный потенциал виновного этого не позволяет. В силу функционирования таких инструментов существенно возрастет авторитет как самого уголовного права, так и публичных властей, осуществляющих реализацию уголовной политики страны, а вместе с тем и эффективность предупреждения преступности на ее территории в целом.

Библиографический список

1. Антонов, А.Г. Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности ст. 76.2 УК РФ? («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»)? / А.Г. Антонов // Российская юстиция. – 2018. – N 9. – С. 17-19.
2. Апостолова, Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016. – N 10. – С. 34-37.
3. Беседин, Г.Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? / Г.Е. Беседин // Евразийская адвокатура. – 2016. – N 6 (25). – С. 114-118.
4. Звечаровский, И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76.2, 104.4 УК РФ) / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2016. – N 6. – С. 98-101.
5. Кауфман, М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности / М.А. Кауфман // Журнал российского права. – 2021. – N 1. – С. 143-156.
6. Кострова, М.Б. Уголовно-правовые механизмы компенсаторного характера как один из трендов современной «экономико-ориентированной» уголовной политики России / М.Б. Кострова // Уголовное право. – 2017. – N 4. – С. 73-79.
7. Кузнецова, Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона / Н.Ф. Кузнецова // Российская юстиция. – 2009. – N 5. – С. 12-16.
8. Рыжаков, А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения / А.П. Рыжаков // Уголовный процесс. – 2016. – N 10. – С. 52-58.
9. Скрипченко, Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл / Н.Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – N 7. – С. 106-114.